

Петр БОРОДИН

РАССКАЗЫ О ПОЛЗУНОВЕ

Иван Иванович Ползунов известен нам, его землякам-потомкам, как изобретатель первой в мире пароатмосферной машины универсального типа.

Но не только этим проявил себя солдатский сын Иван Иванович Ползунов.

В предлагаемых рассказах, созданных в результате изучения архивных материалов, открываются новые стороны большой души гениального изобретателя — инициативность, практическая сметка, сочувствие угнетенному народу.

ПОДСКАЗ НАЧАЛЬСТВУ

Во дворе Барнаульского сереброплавильного завода скапливались сотни крестьянских подвод с рудой, привезенной из Змеиногорского рудника. При сдаче руды крестьяне теряли много времени. Ползунов не раз слышал сдержанное сетование крестьян:

— Робишь без роздыху на матушку-императрицу, а отработкам конца не видно.

— А дома семья, ребятенки малые...

— Пуще всего земля... Ее, сердешную, вовремя обиходи, не то бесхлебица задушит...

Как-то Ползунов сказал Якову Беэру:

— А что, если руды водой, а не сухопутьем доставлять? Крестьянам немалое облегчение выйдет, а заводскому действию — выгода.

Яков Беэр снисходительно улыбнулся.

— Тебе не все равно, какие руды в приход записывать. О крестьянах же начальство позаботится. Если и будет для них облегчение, другой работой займут.

Холодная отрешенность Якова не оставила Ползунова. Еще во времена Демидова с рудников доставляли руды на берег Чарыша лошадьми, затем водой на Барнаульский завод. Однако о том, как сказал Ползунову друг канцелярист Хлопин, не было каких-либо документов в демидовских архивах.

Ползунов отыскал бывалого рудовоза Тупицына из деревни Ерресной и дотошно расспросил про забытые перевозки.

Тупицын скупо рассказал:

— Бывало такое. Дорога одна пролежала...

— А ты помнишь ее?

— Как ее забудешь? Дважды опрокидывался... Вот какую память оставила. — Тупицын показал широкую и расплуснутую ладонь левой руки. От красноты она напоминала раскаленное железо. — Шла дорога через каменные распадки, пихтовые леса, безлесные увалы. И степь встречалась. Приводила дорога и на берег Чарыша у деревни Тугозвоной. ДДо нее от Змеевой горы этак восемь-девять десятков верст набегит...

В фабричной каморе-клетушке, где работали Ползунов с Яковым Беэром, появились копии с планшетов, которые хранились у геодезиста Пимена Старцева. Ползунов кропотливо изучал их, урывая служебное время. На планшетах переплетались разноцветные линии.

Яков Беэр предупреждающе сказал.

— Смотри, Иван, беды не навлеку. Заметит Христиани, что не своим делом занимаешься, — добра не жди. Про планшеты спросит, где добыл. Геодезиста заодно потянешь. Понял?

Ассессор Христиани, правая рука главного начальника Колыванно-Воскресенских рудников и заводов генерал-майора Беэра,

часто проверял работу Ползунова и Якова Беэра.

Христиани вошел неприметно и тотчас протянул руку к столику, чтобы взять журналы прихода и расхода руд и других заводских припасов. Яков Беэр отпрянул. Ползунов угадал его мысли по испуганному лицу. «Говорил тебе, Иван, не суй носа, куда не следует. Съест тебя Христиани и косточки оближет...»

Христиани непонимающе пялил глаза на раскрашенные планшеты.

— Что за планшеты? Кто так усердно и ради чего приложил к ним руку? Кстати, отсутствуют экспликации и пояснительные записки!

Голос Христиани не выдавал резкого недовольства или опаляющего гнева. В нем скорее проскальзывала скрытая любознательность. Линии на планшете пролегли от рудных мест к левому берегу Чарыша, к пристани, обозначенной в виде двух крошечных судов-коломенок. На широких и голубых отмывках рек Чарыша и Оби красовались якоря и стрелы.

Всего день назад генерал Беэр и Христиани бесплодно ломали головы над тем, как обеспечить завод надежными запасами руд. Сейчас Христиани смутно догадывался о какой-то связи вчерашнего разговора у генерала с только что увиденным на планшетах.

— Может, гиттеншрейбер Ползунов объяснит, что означает сие?

Тон у Христиани не властный, скорее поощрительный и дающий время для спокойного и исчерпывающего ответа.

Ползунов не спеша разглядел планшет и начал совсем с другого:

— Сегодня, высокородный господин ассессор, в журнал занесено двести записей. В зимнее время их бывает до трехсот...

Христиани нетерпеливо перебил:

— Мне хорошо известно про то. Спрашиваю о другом.

Вроде не замечая настроения Христиани, Ползунов спокойно принялся пояснять:

— На перевозке руд задолжаются работой, и на немалое время, тысячи крестьян. Только за один оборот со Зменогорского рудника на Барнаульский завод крестьянин тратит пятнадцать суток: десять — с грузом, пять — порожняком. Число сухопутных перевозок можно сократить. При Демидове на Чарыше действовала пристань Перво-Чарышская, она же Карпова, что в тридцати восьми верстах от Кольвано-Воскресенского завода. Руды сплавлялись водой. Пристань на Чарыше пристойнее открыть

в более удобном и глубоководном месте, скажем, у Кабановой защиты или урочища Красный Яр.

Поняв мысль Ползунова, Христиани пытливо и жадно впился в планшет.

— В иные годы Чарыш, по свидетельству сведущих людей изрядно мелеет. К плаванью по нему всего способнее суда дощаники-коломенки. Мною усмотрена коломенка в три тысячи пудов руды при осадке днища более аршина.

Ползунов развернул лист с аккуратно и красиво вычерченной коломенкой и продолжил:

— Вниз по течению от Чарышских пристаней до Барнаульского завода — трое суток ходу, в обратную для подъема судов бечевою потребно с месяц. За навигацию можно сделать четыре ходки. Одна коломенка, выходит, доставит двенадцать тысяч пудов руды. Коломенка — нехитрое и дешевое суденышко. Ежегодно для пополнения флота в двадцать коломенок потребуются лишь две новые. Перевозка по воде намного дешевле и быстрее. Крестьянская лощадь тянет не более двадцати пяти пудов руды. Для перевозки двухсот сорока тысяч пудов потребно без мала десять тысяч подвод. У меня есть, высокородный господин ассессор, самые точные подсчеты.

На отдельных листах бумаги пролегли безукоризненно ровные и строгие строки, столбцы цифр. От прочитанного не престало менялось выражение лица Христиани. Наконец оно стало восторженно-радостным, как при желанной находке. В холодных, водянистых глазах светилось неподдельное изумление.

— Не скрою, гиттеншрейбер Ползунов, выгоды твоего дерзания, подкрепленного языком цифр и выкладками.

Яков Беэр заметил к удивлению, как теплая вспышка на лице Христиани постепенно гасла, уступала место обычной невозмутимости и непроницаемости. Христиани заговорил так, словно осуждал свой недавний восторг и стремился умалить похвалу:

— Твое предложение, гиттеншрейбер, содержит многие обстоятельства, подлежащие проверке. Надлежит произвести строгий пересчет. Прелюбопытно знать, откуда появились у тебя эти планшеты?

— Скопированы с тех, что хранятся у геодезиста Пимена Старцева.

— Ида-с! Геодезист совершил запретное. Впрочем, твоей вины в том не вижу!

Христиани ушел, забрав все документы о водных перевозках. Тотчас же отозвался Яков Беэр:

— Ты подобен полуденному солнцу, Иван, растопил душевный лед самого Христиани! Я впервые увидел его таким! Похвала Христиани — невиданная награда тебе. Только проку от нее может выйти не много. От Христиани всякое можно ждать.

Опасения Якова вроде не оправдались. Мигу Старцеву не сделали даже самого мягкого внушения. Христиани, казалось, прочно позабыл о предложении Ползунова. Ни разу не заговаривал о нем, когда приходил в камору. Яков не удержался от соблазна добродушно подтрунить над Ползуновым.

— Чуть голову не сломал Иван, думаячи! Христиани толмачил о водных перевозках. А толку? Думается мне, Иван, что начальство, ценит подчиненного за кротость, послушание и прилежание, а не за умные подсказки. Начальство-то всегда считает себя умным.

Ползунов пожал плечами. В его душу тоже закрадывалось сомнение. И все же Ползунов не был полностью уверен в правоте Якова.

— Судья твоим словам, Яков, — время...

Генерал Беэр внимательно выслушал Христиани, стоявшего возле планшетов, развешанных на стене кабинета. Христиани излагал план рудных перевозок водой, не упоминая имени Ползунова. Генерал просиял и восторженно отозвался:

— Я вижу, господин ассессор, как раз то, что необходимо для безостановочного действия Барнаульского завода!.. Немало и не без пользы ея императорскому величеству потрудились вы! Не одну бессонную ночь провели за этими планшетами!

Христиани чуть повел плечами, на мгновение склонил голову. Однако против незащищенной похвалы не восстал.

Когда стало известно о поступке Христиани, Яков Беэр с сознанием собственной правоты сказал:

— Я ж тебе говорил, Иван!..

Ползунов отмахнулся.

— Водным перевозкам непременно быть...

В то же лето по Чарышу и Оби пошли первые гребные суда с рудой.

ГИТТЕНШРЕЙБЕР

В плавильной фабрике Барнаульского сереброплавильного завода толстыми плахами отгорожена комнатка. Если измерить ее шагами, то не больше, как три на

четыре. Стены обмазаны глиной — от запахов дыма и гари. «Гиттеншрейберская камора» — так громко называло этот закуток заводское начальство.

По двенадцать-четыренадцать часов в сутки здесь Иван Ползунов и Яков Беэр по отдельности записывали в приход сортами руды, древесный уголь, ггорновой камень, флюсы — все, что привозилось приписными крестьянами для безостановочной выплавки серебра. Точнейший учет велся и расход заводских припасов.

Кроме того, оба гиттеншрейбера принимали сводки о выходе серебра при плавках, его апробации в лаборатории. Набиралось несколько десятков разных записей, которые заносились в специальные журналы. Строго, по-солдатски выстраивались в них колонки цифр. Делалось так для порядка и удобства при длинных подсчетах всевозможных операций в сводке за неделю, месяц, треть года.

Приход весны в гиттеншрейберской угадывался с трудом. Единственное зарешеченное оконце выходило в заводской двор. Сквозь бычий пузырь, напнутый вместо дорогостоящего стекла, ссупо просачивались заснеженные островерхие конусы угольных и рудных куч, сслоеные сугробы. Такие высокие, что даже клочка неба не видно.

Ползунов для тепла открыл дверь в плавильную. Скрип и ляг ммеханических тят сразу усилился. Туго и надсадно вздыхали меха, подающие дутье в плавильные печи. Где-то в проеме фабричной стены глухо шумела вода, упруго бившая в лопасти водоналивного колеса. Скоро печи выдадут плавку. Раскаленный белый металл веселыми ручейками растечется по формам-изложницам...

Ползунов потер затекшие пальцы и снова зашел в составление сводки. А Яков Беэр и наполовину не закончил работы.

— Настоящий пещерный холод! Мозги превращаются в свинец, а а руки не слушаются. Потому цифры уродами ложатся. Однако ты, Иван, преуспеваешь!

Ползунов промолчал. От отупляющей гиттеншрейберской писанины, от мертвых цифр, рябью резавших глаза, тянуло к настоящему делу. Еще со времени учебы в екатеринбургской школе в в памяти прочно легли слова первого учителя Федора Санникова: «Любознательный ум, Ванюша, всегда и непременно в поиске знаний, дела. Без поиска нет ума».

Был Федор Санников в каком-то особым

человеком для учеников. Взыскательность у него уживалась с благожелательностью, настойчивость с отеческой лаской.

Ползунов мало знал своего отца Ивана Алексеевича, крестьянина города Епанчина. Женился тот, когда был солдатом екатеринбургской роты. Солдат остается солдатом. Служба не давала ему времени на проявления супружеских и отцовских чувств. Солдатский сын находил в учителе то, что не довелось увидеть в отце...

Две печи выдали плавку. В формах отсвечивало разноцветными бликами еще жидкое и податливое серебро. Охлаждаясь и густея, оно сѹхо менялось в цветах — от ярких до бледных и скромных. Совсем остывшее серебро покрывалось серо-пепельным налетом. А печи снова загружались. По крутым дощатым трапам-подъемникам гудели чугунные колеса тачек. Сначала тачки закатывались с разбегу, потом их приходилось толкать изо всех сил — они становились все тяжелее и тяжелее. Случалось, что тачка брала верх в единоборстве. Тогда люди поспешно расступались. Тачка с победным гулом устремлялась вниз.

Ползунову снова вспоминались слова Федора Санникова. Простые они, а мудрость закона механики как нельзя понятнее объясняли: «Чем выше удалено тело от земли, тем с большей силой устремляется к оной».

Ползунов уперся плечом в тачку. Его корпус распрямился медленно, но уверенно, как стальная пружина, преодолевающая сильное сопротивление. Тачка сорвалась с мертвой точки.

— А ну, еще р-раз! Еще раз взяли!

Тачка затарахтела по доскам засыпной площадки, устроенной почти на уровне жерла печи. Из груди подкатчиков вырвались сдавленные вздохи облегчения.

— Спасибо, барин, за подмогу. В том месяцу тачка изжевала ногу Федьке Колокольцеву. Всякий видит беду другого, а выволит редкий. Нашу благодарность, барин, не отбрасывай: от души она, изволь на засыпку посмотреть.

В конце площадки, откуда донеслись слова, стоял высокий и угловатый человек. Плоский, но широкий в плечах, он казался вырезанным из толстых двухвершковых досок.

— Здравствуй, Селезень!

— Здоров бывай, барин!

Селезень — старший плавильщик. Двадцать лет жарился у плавильных печей. В первых пробных плавках медной руды на речке Локтевке подручным был при зна-

токе горного дела Никифоре Клеопине, которого Демидов послал вслед за Олонецкими старцами, открывшими руды в Колывано-Воскресенской округе. Многие секреты выплавки серебра познал Селезень. Когда бывала нужда, в плавильных мастерах хаживал. Не хуже других исправлял должность.

Борода у Селезня короткая, в крутых завитках на конце. Лицо как кусок окровавленного мяса — все это от иссушающей печной жары.

При первом знакомстве Ползунова удивила внешность, а больше — прозвище старшего плавильщика.

— Мое настоящее имя, барин, Иван Ефремов, сын Тагильцев. Селезень — прозвище такое. Въелось, как капля горячего серебра в живое тело. Не выковырнешь.

— Отчего же прозвали-то?

— То угадать надобно, барин.

Ползунов пристально поглядел в лицо Селезня. Тот предупредил вопрос, готовый сорваться с языка Ползунова.

— Не-е, не за бороду. Она и впрямь как у селезня хвост. И не за то, что голос мой схож с призывным шавканьем селезня.

— Тогда не берусь отгадывать.

— Вот так-то, — не то с гордостью, не то с удовлетворением изрек Селезень.

— Многие блуждали в разгадках. Среди них и ты, барин. По глазам твоим вижу, что охоч узнать про мое прозвище.

Ползунов утвердительно кивнул головой.

Селезень посмотрел на большие песочные часы, по которым определяли сроки плавки. В хриплом голосе зазвучала власть:

— Пора на малый роздых. Васька, принеси мой мешочек с остатками съестного припасу... да кувшин водицы... похолоднее.

Плавильщики, засыпщики уселись полукругом на досках настила. Селезень — на опрокинутый ящик из-под песка. Чтобы всеми обозревался.

— А вот теперь, барин, смотри в оба глаза, подмечай, что к чему.

Стоило Селезню откусить от краюхи черного хлеба, раздалась зычная и затяжная икота. Удивленный Ползунов видел, как от усилия проглотить пережеванный хлеб у Селезня судорожно задергался сухой кадык, округлились глаза.

— Сглотил все же, хоша и со скрипом.

Селезень вытер слезы, отхлебнул из кувшина. Икота притихла. Потом стал жевать хлеб, часто запивая водой.словно в бездонный колодец, без единого звука проваливалась еда.

По полукругу прошелся откровенный смех. Видели такое люди раньше, и не один раз, а от потехи не удержались.

Селезень грубо и резко унял товарищей:

— Ржете, как застоявшиеся жеребцы! А чего? Пойдите с мое у печи, не так закудахчете! Во где он у меня, плавильный жар! — Селезень ладонью наглухо охватил горло. — От этого жару и глотка у меня шершавая, как терка!

И уже к Ползунову:

— Вот и прозвали Селезем, что не могу без запивки и припивки проглотить сухой съестной припас.

Поздними вечерами в плавильную фабрику часто заглядывало высокое заводское начальство. Плавка руд на серебро требовала постоянного и неусыпного досмотра. Могло порвать печи. Тогда капли огнедышащего металла, разлетаясь в стороны, прожигали тела людей до костей. Такое случалось редко. Чаше же от передержки руд в плавке получался чрезмерный угар серебра. Да мало ли чего еще могло стрястись? Плавильщики, засыпщики и другие работники в поздние часы не так расторопны в движениях. Для уставшего человека велик и соблазн забыться в коротком, тревожном сне.

Откуда-то снизу, из синего полумрака доносится голос Якова Беэра.

— Гиттеншрейбер Ползунов, в камору!

Селезень сразу как-то сник, мельче стал фигурой. В движениях открыто обозначились суетливость и неуверенность.

— Он! Ей-богу он... стал быть, сам господин Христиани в камору пришел. Поспешай, барин, как бы немилость не навлек своей отлучкой. А на плавку в другой раз приходи.

Иоганн Самуэль Христиани после генерала Беэра вторая фигура в канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства. Одинаково хорошо знал он плавильное и пробирное дело. В совершенстве владел маркшейдерским, рисовальным и чертежным искусством. Кроме обязанностей члена канцелярии, начальствовал на Барнаульском сереброплавильном заводе. Долговязый Христиани сутулился за гиттеншрейберским столом. Трещала горевшая свеча. Ее трепетное, чуткое пламя шарахалось от вздохов людей. Свеча отбирала у мрака небольшой круг, кончавшийся совсем рядом за столом.

— Высокородный господин ассессор...

На обращение Ползунова Христиани

устало и безразлично махнул рукой, указав на скамью. Ползунов сел. Нудную, гнетущую тишину нарушил грубый и резкий шелест толстых листов бумаги. Христиани шурил близорукие, водянистые глаза, вводясь ими в страницы журнала. Цифры, начертанные рукой Якова Беэра, часто вылезали из колонок. То сбивались в тесную кучу, то поодиночке и беспорядочно разбегались по бумаге.

Христиани устал охотиться за цифрами.

— Нда-с!

От бесплодных попыток проверить правильность составленных сводок Христиани резко захлопнул журнал. В мрачном взгляде ассессора — немой упрек и нескрываемое недовольство.

И снова шелест бумаги, но более равномерный и тихий. Он означал перемену в настроении Христиани. Самый мелочный придира при просмотре журнала Ползунова не нашел бы зацепки для проявления малейшего неудовольствия. Безупречно стройные колонки убористых цифр радовали глаз, безошибочные итоговые записи в сводках согревали невидимым теплом душу Христиани.

— В журнале отменный порядок. Похвально твое радение в службе, гиттеншрейбер!

Ползунов встал. Было неловко перед Яковом Беэром. Правда, Христиани его не ругал. На то, видимо, были причины, о которых Ползунов мог лишь смутно догадываться. Но и при этом Ползунов почувствовал себя виновником молчаливого унижения товарища.

— Премного благодарен вам, высокородный господин...

Христиани вновь нетерпеливо перебил взмахом руки, завел неожиданный разговор совсем о другом.

— Правда, что гиттеншрейбер Ползунов увлекается математическими науками?

— Затрудняюсь ответить, высокородный господин ассессор. Известно, что настоящее увлечение ко многому обязывает человека. Я всего-навсего изучаю математику, которую полюбил в школе.

— Надеюсь, что изучение проходит по книгам иностранных, и в первую очередь саксонских авторов. Последних отличает глубина мысли, строгая логика суждений, простота и доходчивость изложения материала. Не так ли?

Ползунов молча выдвинул ящик стола, достал раскрытую книгу. Под красивой, витиеватой заставкой напечатано по-русски: «Книга первая. Арифметика». Христиани

взял в руки книгу, прочел на обложке фамилию автора: Леонтий Магницкий.

— Нд-а-а-с! То русский автор. Русский автор — совсем не лучший.

Нескрываемое пренебрежение Христиани неприятно покорило Ползунова.

— Иных авторов не знаю. Магницкий же доступен манерой объяснения и слогом. Российский академик Михайло Ломоносов, будучи юношей, нес эту книгу из Архангельска в Москву в своей котомке и назвал ее «вратами учености».

Сказал Ползунов и мысленно упрекнул себя в излишней горячности. Форма и тон обращения со старшим начальником показались далеко не уважительными.

— Прошу простить меня, высокородный господин...

Христиани, к удивлению Якова Беэра, совсем беззлобно перебил Ползунова:

— А мне нравятся твои слова, гиттеншрейбер! Не всякий в твоём положении способен так открыто и настойчиво отстаивать свои суждения, хотя бы и не совсем правильные!

Христиани ушел, не попросившись.

Яков Беэр подскочил на скамье. Сказал в одно дыхание:

— Поздравляю тебя, Иван: ты заслужил невозможное — похвалу самого Христиани!

И вдруг Яков Беэр круто изменил в разговоре.

— А знаешь, почему он так? Через похвалу тебе он сделал внушение мне. Открыто сказать боится — как-никак я племянник самого генерал-майора Беэра.

Яков пошарил в столе. В руках появилась глиняная обливная бутылка.

— К черту все, Иван! Давай выпьем! Скоро на покой.

Недавние слова Якова не явились новостью для Ползунова, а только лишний раз напоминали о разнице в положении двух гиттеншрейберов. Правда, Яков Беэр знатным родством особо не кичился, но ему сходило с рук то, что не дозволялось другим: частые выпивки, служба с прохладцей.

— Я пить не стану.

— Отчего же? Понимаю тебя, Иван! Ты... ты, как и другие, тоже боишься... неприятностей по службе. В таком случае я — один.

Содержимое кружки Яков выпил необычно для Ползунова — в один глоток. Потом долго растирал манжетом куртки горевшие губы.

— Яков, пойми меня правильно. Я ни-

когда и ничего не боюсь. Не привык пить водку. Противная она. Не обижайся на меня за это.

Отношение к водке у Ползунова определилось в раннем детстве. Во время редких побывок отец, бывало, напивался до синевы на лице. На жену, не повинную ни в чем, набрасывался коршуном...

— Дашка! С-а-апоги с ног... раз-два... до-ло-ой! А! Ослушничать! Это при мне! А без меня, поди-ка, слободским парням пятки целу-е-ешь! Пошла с глаз, стерва! Прибью!

Однажды девятилетний Иван, ученик словесной школы, повис на руке отца, занесенной для удара, вцепился в нее зубами.

— Никак сбесился, звереныш!

Испуганная мать сжала до отеков в пальцах свободную руку мужа.

От изумления и боли отец отрезвел. Долго рассматривал на руке синее с неровными краями ожерелье — следы зубов, потом заглянул в лицо сына, не по-детски жесткое от отчаянной решимости.

— Молодец, Ванюха!

С того времени отец реже напивался...

В масляных глазах Якова Беэра не угасло желание выпить.

— Ты как хошь, а я выпью еще...

ВОПРЕКИ ПРИСЯГЕ

— Печь нельзя засыпать. В боках — выгоревшие камни. Как бы беды не приключилось!

Плавильный мастер Христиан Бер уже слышал такое, поэтому на слова плавильщика Селезня отрезал с насмешкой и угрозой:

— У русских говорят — яйца курицу не учат! Без замедления готовь печь к плавке, не то в морду! Понял?

Усердствуя пуще прежнего, замелькали, засуетились работные возле печи.

Селезень оказался провидцем. В середине плавки в боку трейб-офена, или печи, в которой отделяли серебро от свинца, образовалась брешь. Ударила тугая огнедышащая струя металла. Печь могло порвать в любое мгновение. Тогда прожигающие брызги разлетелись бы по сторонам, все сжигая.

Рискнул тот же Селезень — с ломом бросился к печи. Умело и быстро пробил выпускное отверстие. Освобожденный металл взახлеб разбежался по формам-ложницам. Остывая, сердито трещал и шипел.

— Накаркала ворона! Да я тебя!..

Невысокий и кругленький Бер никак не мог подступиться к Селезню. Бегал вокруг, как на привязи, и повсюду наткнулся на сильные длинные руки Селезняка.

— Что за карусель во время плавки?

Раздраженный голос принадлежал самому Христиани, управляющему Барнаульскому сереброплавильным заводом. Он видома худ, тощ, но кулак у него замешан круто.

Взопревший, раскрасневшийся, Бер тотчас застыл на месте, еле укрощая прерывистое дыхание. Христиани понимающе посмотрел на продырявленную печь, на бугристую поверхность металла, застывающего после беспорядочного истекания из печи.

— Кто виноват?

Бер сжался, сделался еще ниже.

Селезень первым отважился заговорить.

— Господин мастер, ваше высокоблагородие, хотели наказать меня. Я ж, не имея за собой вины...

Селезень торопливо, но вразумительно рассказал о только что происшедшем. Христиани долго хранил задумчивое молчание, словно решал что-то важное. Наконец сказал:

— Христиан Бер — доподлинный виновник аварии и будет наказан приличествующим образом с записью о том в формуляр. Тебе же, плавильщик, за дерзость и неповиновение старшему по службе причитается публичное наказание...

Через три дня на площади у церкви Петра и Павла невиданная теснота от скопища мастеровых. Их согнали сюда по приказанию заводского начальства.

На жидкий дощатый помост взобрался писарь и громко зачитал указ заводской канцелярии о наказании Селезняка. От надсадного треска солдатских барабанов ахнула, заволновалась толпа и вновь замерла.

Лишь на последнем ударе гибкой лозой Селезень лишился сознания. Очнувшись после ушата холодной воды, выплеснутой солдатами на испсанную спину, сквозь зубы процедил:

— За безвинное вдвойне отольется...

Позже стало известно, что вина Христиана Бера осталась без последствий. Наказанием Селезняка Христиани скрывает истинного виновника аварии.

Селезень пришел за защитой к Ползуну. Поздоровался скороговоркой и принялся возбужденно изливаться своей обидой.

— Наслышан, знаю, — сказал Ползун. — Чем могу помочь?

— Во всей округе не сыщется для Хри-

стиани указчика, кроме самого генерала Беэра. Сдается мне верным принести челобитную самой матушке-императрице. Чтобы не вышло по пословице — пока до бога дойдешь, угодники шею ототрут. Беда, что в письменной части мало искушен. Уважь, барин, — напиши челобитную! Век буду обязан!

Закон позволял писать челобитные на монаршьи имя людям, искушенным в том, с соблюдением многих требований: правильности обращения к царствующей особе, четкости стиля, последовательного изложения существа дела. Но местные власти не упустили случая и возможности каким-либо образом отомстить сочинителям челобитных.

Ползунов, нисколько не задумываясь, решительно сказал Селезню:

— Твою просьбу выполню без промедления.

— Спасибо, барин! Я так и полагал!

Вскоре Селезень не стало видно ни при рудных плавках, ни на других работах. Исчезновение озадачило Ползунова. Не значился Селезень и в числе беглых — оглашались специальные указы с подробным описанием примет беглеца и строгим предписанием его поимки. Такого указа не появлялось на Барнаульском заводе.

Совсем случайно Ползунов узнал от друга, канцеляриста Хлопина, ведавшего секретным письмоводством, о негласной отсылке Селезняка в самые потаенные забои Змеиногорского рудника. Оттуда не было ходу людям на земную поверхность. Только на рудничное кладбище их «отпускали» оттуда, да и то ночью, чтобы никто не видел.

Ползунов счел себя виновником беды Селезняка. «Надо было отговорить от приращения челобитной. Не случилось бы такого...»

В подавленном настроении Ползунов выехал по указу начальства за Обь для осмотра сена, поставленного для заводского обоза.

Стояла суетливая пора лета. Кончившие линьку утки и молодь усиленно набивали крылья. На луговых озерах и болотах трепетные всплески, криканье, посвисты. В воздухе стремительный, но не совсем уверенный полет птиц, пробующих свои крылья. Кустарники и некошеные травы не выдавали малейших признаков приближения осени. Лишь свежесть и сырость воздуха, особенно утрами, свидетельствовали скорый исход лета.

Ползунов то и дело придерживал лошадь, чтобы внимательнее присмотреться к окружающему. Ночевать остановился в избе, временно оставленной скотогонами маркитанта Прихожева. Работы предстояло немного, и на другое утро Ползунов не спешил с выходом на луг. Солнце рассеивало туман. Его ключья еще цеплялись за кустарники и травы, но высокий обской крутояр по другую сторону реки просматривался уже отчетливо. От этого открывшееся раздолье казалось величественнее. Набирая тепло, солнце расцветивало крохотные капли влаги, разбросанные по лугу.

«Приволье бесконечное. А воздух-то! Дыши — не надышишься! Не то что у плавильных печей...» — Ползунов улынулся, ощущая, как природа вторгается в душу, поднимает настроение.

Ползунов запрягал лошадь, когда его кто-то окликнул из сарая. Ползунов зашел туда. Под самой крышей был устроен сеновал. Зашуршало прошлогоднее ломкое сено, и тот же голос невидимого человека, негромкий, с хрипотцой, заставил оцепенеть Ползунова.

— Бывай здоров, барин! Я с вечера не переставал зрить за тобой! Думал, не один ты! Лишние люди ни к чему.

Ползунов вздрогнул от неожиданности — сверху упал человек, вскочил на ноги, отряхивая сенную труху. Перед Ползуновым стоял Селезень с застенчивой улыбкой на лице.

— Не ожидал, поди-ка?

— Ты с ума спятил, Селезень! — заговорил Ползунов, опаматовавшись. — С рудников и заводов люди пачками бегут в недоступную глухомань, чтобы надежнее укрыться от властей, а ты чуть не к самому Христиани в гости пожаловал!

— Ты угадал, барин! Должок с меня причитается Христиани. А я в долгу не люблю быть. Казакам или солдатам и в голову не придет, что беглый Селезень вблизи Барнаульского завода шатается. Они рыскают где-нибудь в глуши, в Бухтарме.

Селезень до слез на глазах закатился в затыжном, ухающем кашле. Потом с тревогой спросил:

— Не выдашь, барин? А?

Ползунов посмотрел строго и осуждающе. Спросил в свою очередь:

— Кто-нибудь тебя видел здесь?

— Ни одна душа.

— Хорошо...

— Пошто, барин, не спрашиваешь, как я убег со Змеевой каторги?

— Убежать не диво, а вот на воле ос-

таться, стражникам в руки не попасть — иное дело. Крепко подумать надо. Ну, вот что...

Ползунов внимательно рассмотрел Селезень. На его лбу выделялось черно-синее клеймо, натертое порохом. Внутри неровного круга проступали начальные буквы Змеиногорского рудника: «З. Р.»

— Возьми вот эту холстину, перевяжи лицо, чтобы клеймо закрыть. Кто встретится — будто зубами маешься. Я поехал. Буду у тебя в воскресенье. Что-нибудь придумаю спасительное. Жди меня у излучины протоки. Вон там. Понял?..

Несколько ночей в квартире Ползунова горели свечи. Хозяин вроде колдовал. Низко склоняясь над столом, он тонким острым ножом ковырял углубления в свинцовой кружке. По ним выбирал канавки, тщательно зачищал. Так на кружке пролегли буквы, получилась печать. Ползунов смазал ее стойкими черными чернилами, приложил к бумаге. Вышел отчетливый оттиск, который украшал официальные бумаги: «Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства». Сложнее оказалось вывести знакомую подпись генерала Беэра. После многих упражнений она наконец вроде удалась. На своих местах стояли расчерки и закругления.

В ночь на воскресенье на гербовую бумагу легли строки спасительного документа — отпускного билета. Он увольнял горнорабочих от заводских и рудничных работ, давал право на волное поселение — живи где хочешь, занимайся чем угодно: землю ковыряй, зверя бей, рыбу лови. (Билет на строго предписывал отпускникам «...никого не обижать, ссор и драк не начинать, содержать себя в чистоте, бороду брить, платье носить немецкое, по миру и рынкам не шататься, милостыни не просить...»)

Селезень сидел на берегу протоки расстроенный, невеселый. Ползунов подъехал на лодке незаметно и бесшумно, легко выпрыгнул на берег.

— Чего закручинился?

— Солнце-то вон куда укатилось. Грешно сказать, барин. Сумление закралось — в срок, думаю, не приехал, значит, и позже не придет...

Ползунов, вроде не слыша слов Селезенья, перешел на деловой тон:

— На! Это отпускной билет. Запомни, что отныне ты именуешься Ильей Семеновым, сыном Крохалевым, а отроду тебе срок два года. От заводских работ увольняешься по причине застарелой болезни спины и ног. Кто тебе дал билет — не должен

говорить правды под самыми страшными пытками. Из этого пузырька несколько раз смажешь клеймо, разотрешь до боли и покраснения кожи, приложишь пласт сырого мяса. Так несколько дней кряду. Порох вытянет, останется красное пятно. А в этом узле одежда, какая полагается, провиант и бритва. А вот зеркала нет. В спокойную воду смотришь. Полтина денег на всякий случай.

Селезень стиснул руку Ползунова. Сказал с волнением:

— Кто такое сделал бы для меня! Подвернется случай, головы для тебя не пожалю, барин!

— Слушай дальше. Идти тебе без промедления в верховья Чарыша. Там укромных мест немало. Протянешь года три-че-

тыре. Дальше видно будет. Неровен час — повстречаемся в тех местах. Служба всюду бросает человека. Ну с богом! Мне пора в обратный путь!

— А как же насчет Христиани, барин? Позволь на несколько дней задержаться?

— От твоей затеи — никакого толку. Понял? Уходи!

— Быть по-твоему, барин! Не могу послушничать. Прощевай!..

Лодку, не подгоняемую веслами, медленно несло слабым течением. Изредка прибывало к берегу или на мель. Тогда Ползунов брался за весла и каждый раз ощущал боль в правой руке от пожатия Селезняя. Не тревога, что поступил вопреки присяге, а тихая радость вливалась в душу Ползунова.